

В гостях у Дракулы

В день отъезда солнце над Мюнхеном светило ярко, и в воздухе витало то радостное настроение, которое нередко ощущается поздней весной. Перед самым нашим отъездом господин Дельбрюк (хозяин гостиницы «Четыре времени года», в которой я остановился) спустился с непокрытой головой к коляске и, пожелав мне приятной дороги, обратился к извозчику, который придерживал дверцу коляски открытой:

— Не забудь, ты должен вернуться до полуночи. Небо пока чистое, но по северному ветру чувствуется, что буря может начаться неожиданно. Впрочем, я и так не сомневаюсь, что ты не станешь задерживаться, — тут он улыбнулся и добавил: — Ты же знаешь, *что* за ночь сегодня.

Йохан с важным видом ответил: «Ja, mein Herr»¹, тронул шляпу и хлестнул лошадей. Когда мы выехали за город, я спросил его, предварительно попросив остановиться:

— Скажите, Йохан, что за ночь сегодня?

Перекрестившись, он коротко ответил: «Вальпургиева ночь». Затем достал часы, огромный, величиной с луковицу, старинный серебряный немецкий хронометр, посмотрел на него, сдвинув брови, и нетерпеливо передернул плечами. Я понял, что таким образом он выражает свое раздражение задержкой, поэтому сел обратно в коляску и сделал знак отправляться дальше. Он тронул сразу же, как будто хотел наверстать упущенное время. Лошади то

¹ Да, господин (нем.). — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

и дело вскидывали головы и подозрительно принюхивались. В такие моменты я сам часто встревоженно оглядывался по сторонам. На высоком, не защищенном от ветра плато, которое мы пересекали, было довольно прохладно. Я заметил дорогу, почти заросшую, которая, извиваясь, углублялась в небольшую долину. Она вызвала у меня такой интерес, что, даже несмотря на риск вызвать недовольство извозчика, я попросил остановиться, и когда он натянул поводья, сказал, что хотел бы поехать по этой дороге. Йохан, то и дело крестясь, постарался отговорить меня от этой затеи, но его попытки лишь вызвали у меня еще большее любопытство. Я стал задавать ему всяческие вопросы. Отвечал он короткими недовольными фразами и постоянно нетерпеливо смотрел на часы. Наконец я сказал:

— Что ж, Йохан, я хочу отправиться по этой дороге. Я не приглашаю вас следовать за мной, если вы не хотите, но скажите, почему вы отказываетесь по ней ехать. Это все, что я прошу.

В ответ он прыгнул с козел, причем так быстро, словно хотел броситься на землю. Протягивая ко мне руки, он стал умолять не идти. Его немецкая речь перемежалась фразами на английском, чтобы я смог понять его. Он как будто хотел мне сказать что-то такое, сама мысль о чем наполняла его ужасом, поэтому, не переставая осенять себя крестом, он только повторял: «Вальпургиева ночь».

Я попытался вступить с ним в спор, но трудно спорить с человеком, языком которого не владеешь. Тем более что преимущество все равно оставалось за ним, поскольку, начиная говорить на ломаном английском, он, возбуждаясь, неизменно переходил на свою родную речь, при этом часто посматривая на часы. Вдруг наши лошади забеспокоились и стали принюхиваться. Заметив это, Йохан побледнел, испуганно оглядываясь, потом неожиданно прыгнул вперед, схватил их за поводья и отвел примерно футов

на двадцать. Я пошел следом и спросил, зачем он это сделал. В ответ он опять перекрестился, указал на место, где мы только что стояли, чуть сдвинул коляску по направлению к другой дороге, крестом пересекавшей ту, по которой ехали мы, и сказал, сначала по-немецки, потом как мог по-английски: «Здесь похоронен тот... тот, который убил себя».

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках.

— А! Понятно, самоубийство. Как любопытно! — сказал я, но хоть убей не мог понять, почему испугались лошади.

Разговаривая, мы услышали какой-то звук, нечто среднее между визгом и лаем. Звук этот доносился издалека, но лошади сильно заволновались, и Йохану стоило больших трудов сдержать их. Он побледнел еще сильнее и сказал:

— Похоже на волка... Но ведь здесь волки больше не водятся.

— Не водятся? — переспросил я. — А давно волки подходили к городу так близко?

— Давно, давно, — сказал он. — Весной и летом. Но когда выпал снег, они ушли.

Пока извозчик поглаживал лошадей и пытался их успокоить, небо стремительно заволокло темными тучами. Солнце спряталось, и нас обдало дыханием холодного ветра. Но вскоре солнце снова вышло из-за туч и засветило по-прежнему ярко. Йохан, глядя вдаль из-под руки, сказал:

— Снежная буря, скоро начнется.

Потом опять взглянул на часы и, крепко сжимая поводья, поскольку лошади все еще били копытами землю и вскидывали головы, взобрался на козлы, словно собираясь трогать.

Во мне проснулось некоторое упрямство, и я не сразу сел в коляску.

— Расскажите мне, — обратился я к нему, — о том месте, куда ведет эта дорога, — и указал рукой в сторону.

Он снова перекрестился и, прежде чем ответить, проворботал слова молитвы.

— Там нечисто.

— Что именно нечисто? — не понял я.

— Деревня.

— Так, значит, там находится деревня?

— Нет, нет. Никто не живет там уже сотни лет.

Мне стало любопытно.

— Но вы сказали, что там деревня.

— Была.

— Куда же она подевалась сейчас?

Йохан пустился в длинный рассказ, перемежая английские слова таким количеством немецких, что я почти ничего не понимал. Я лишь уловил, что очень давно, сотни лет назад, там умирали люди, их хоронили, но из-под земли слышались звуки, и, когда могилы вскрывали, умершие мужчины и женщины выглядели как живые, а рты у них были в крови. Поэтому, стараясь спасти свои жизни («и души!» — добавил он и перекрестился), оставшиеся в живых поспешили оставить это место и уехали в другие деревни, где живые были живыми, а мертвые — мертвыми, а не... чем-то другим. Он явно побоялся произнести последнее слово. По мере рассказа он все больше и больше возбуждался. Похоже, воображение у него разыгралось до такой степени, что под конец страх окончательно овладел им: он сделался белым как мел, лицо его покрылось испариной; дрожа всем телом, он оглядывался по сторонам, словно в любую секунду ожидал проявления какой-нибудь злой силы здесь, на открытом пространстве в ярких лучах солнца. Доведя себя таким образом до полного отчаяния, он выкрикнул: